

В. В. ГОЛУБИНОВ

**РУССКИЙ КОНСУЛ, ОРИЕНТАЛИСТ
СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ ГОЛУБИНОВ (1879–1951)¹**

В статье говорится о судьбе русского эмигранта – дипломата, ориенталиста, двоюродного деда автора – Сергея Петровича Голубинова, чья карьера была прервана революцией и гражданской войной на посту российского консула в Исфагане (Персия), освещаются основные вехи его биографии, рассказывается о его службе (до весны 1920 г.), пути в эмиграцию и жизни в Германии и Франции. Статья дополняет материалы конференций «Люди и судьбы Русского Зарубежья» (2015, 2016, 2017), «1917 год в судьбе Русского Зарубежья» (2017) и другие публикации, включая биографию сына С.П. Голубинова – Всеволода (французского писателя Сержа Голона).

Ключевые слова: *Сергей Петрович Голубинов, русская революция, русская эмиграция, история российской дипломатии, Персия, история семьи*

В 1995 г. на кладбище в Нанси многое показалось непривычным: порядок, простор, возможность быстро отыскать нужное захоронение. Прибыв сюда, чтобы посетить могилу двоюродного деда Сергея Петровича Голубинова, я с женой Александрой и несколькими, вновь обретенными после долгого – в 70 лет – перерыва в семейном общении, французскими родственниками (сыном и внуками Сергея Петровича) сбились с дороги. В конторе администрации за пару минут получили план участка с отмеченным маршрутом. Несколько поворотов и мы на месте. Строгий гранитный памятник, у подножья которого покоятся дед, его жена и дочери. Заслуживающая уважения жизнь, достойный памятник. С российской родней судьба распорядилась иначе. Не найти могил родителей Сергея Петровича на Смоленском кладбище (его архив сгорел), брата, погибшего в Дальлаге, сестры, умершей в блокаду Ленинграда и похороненной в братской могиле на Серафимовском кладбище, племянницы Натальи, скончавшейся в детстве в Севастополе во время Гражданской войны. От креста на могиле его первой жены в Тегеране осталось только фото. Эфемерными памятниками им становятся лишь страницы настоящего, далекого от завершения, исследования.

Потомственный дворянин Воронежской губернии, внук штабс-капитана Александра Алексеевича Голубинова (1793–1849), участника 26 сражений Отечественной войны 1812 года, включая Бородино и Битву под Лейпцигом, Сергей Петрович Голубинов родился 24 января (5 февраля) 1879 г. в Вильне в семье Петра Александровича Голубино-

¹ Благодарю за содействие в поисках информации мою семью, потомков С.П. Голубинова, а также: Д. Ванюкова, В. Гениса, Т. Гладкову, В. Дзевановского, Р. Дэвиса (R. Davies), Е. Миронову, А. Плотто, М. Сорокину, Е. Суриц, П. Трибунского, В. Хазана, Д. Шаховского и многих других.

ва (1832–1901), чиновника по особым поручениям при попечителе учебного округа. Мать – Екатерина Викторовна, урождённая Шелепина (1855–1901), дочь священника. Сергей был крещен 18 февраля в Виленской приходской Николаевской церкви, как и его младший брат Евгений (1880–1937), впоследствии ставший военным врачом, и старшая сестра Нина (1878–1942), школьный врач.

Сергей Голубинов обучался в Ларинской гимназии в Санкт-Петербурге, с 11 лет – пансионер и стипендиат «им. Его Величества». Несмотря на разницу всего в год с младшим братом, Сергей после смерти родителей был его опекуном. В 1897 г. окончил гимназию с серебряной медалью, показав отличное поведение и любознательность по всем предметам, особенно в латинском и греческом, поступил на факультет восточных языков Петербургского университета – с освобождением от платы за обучение и стипендией им. Переяславского. Дополнительно планировал поступить на Учебное отделение восточных языков при Азиатском Департаменте МИД Российской империи или в Петербургский археологический институт. Для этого летом 1900 г., будучи в студенческом отпуске, впервые побывал в Персии, в Гилани, что позволило осенью 1901 г. осуществить намеченное. Известный востоковед и дипломат С.В. Чиркин, несколько лет прослуживший в Персии, а в то время только сверхштатный слушатель Учебного отделения восточных языков, спустя годы вспоминал знакомство с новым однокурсником:

«Нашими новыми коллегами были В.М. Писарев² – университетский – и М.М. Попов³ – лазаревец, к ним вскоре присоединился и очередной сверхштатный – С.П. Голубинов, одного выпуска с Писаревым по университету. Он попал в слушатели Учебного отделения. <...> съездив в Персию, <...> он осуществил свою поездку на свой счет, используя для нее три летних месяца. Он проехал до Исфагана⁴ и был в самом центре страны, откуда, в виде вещественного доказательства, привез мраморную намогильную плиту, сбытую ему одним из местных поставщиков "старины" в качестве "антика". Возможно, что Голубинов и сам прекрасно знал, что покупает, но несомненно, что этот мраморный документ, хотя и был ему тяжелой обузой в пути, сослужил свою службу для поступления его в Учебное отделение, так как он преподнес его в дар этому учреждению и тем расположил <начальника Учебного отделения восточных языков> И.А. Иванова в свою пользу»⁵.

В 1903 г. С.П. Голубинов окончил факультет восточных языков с дипломом 1-й степени (студенческая диссертация – «Тайна единения с богом в подвигах старца Абу-Саида⁶») и Учебное отделение восточных языков МИД. 22 февраля 1903 г. был определен на службу в чине кол-

² В.М. Писарев – вице-консул в Ардебиле, впоследствии советник Российского посольства в Риме.

³ М.М. Попов – российский дипломат, выпускник Лазаревского института.

⁴ Исфаган (Эсфахан, Исфахан) – город в Иране в 340 км к югу от Тегерана.

⁵ Чиркин 2006. С. 45.

⁶ Абу Саид Майхани (967–1049) – суфийский мистик, богослов, поэт.

лежского секретаря по ведомству МИД с причислением к Первому Департаменту и 20 мая 1903 г. прибыл к месту служения в Бухару вместе с молодой женой Серафимой Александровной Голубиновой, выпускницей Белостокского института благородных девиц, дочерью генерал-майора Александра Карловича Васильковского (прибл. 1840–1910).

Условия проживания младших чинов русских дипломатов в Бухаре были спартанскими, если не сказать тяжелыми, «антигигиеническими»⁷. Зимой в предоставленной молодой семье небольшой квартире было холодно, летом температура доходила до +30°С. Поблизости – выгребные ямы, открыть окна невозможно. 23 августа того же года у супругов родился первый ребенок из трех – Всеволод (1903–1972). Двое других: Ирина (1905–1973) и Ростислав (1908–1992). В Бухаре Сергей Петрович – драгоман Политического агентства (1903), переводчик при эмире Бухарском, произведен в титулярные советники (1904). Изучил местный диалект, приобрел «солидный служебный опыт», перевел с английского книгу А. Гамильтона «Афганистан» (1908). Получил назначение в Персию, как секретарь генерального консула в Тавризе (1908), затем в Тегеране (1910). В Тавризе, где в 1908 г. началось восстание против власти шаха и куда под предлогом защиты русских и иностранных учреждений и подданных были введены российские войска, Сергей Петрович оказался в центре событий. Революция была подавлена, на грабежи и убийства российских граждан последовали военно-полевые суды и смертные приговоры. Голубинов испытывал «постоянное нервное напряжение, переутомление и упадок сил», поддерживал «свою нервную систему подкожными впрыскиваниями мышьяка», испросил и получил трехмесячный отпуск ввиду своего «болезненного состояния». По словам генерального консула в Тавризе А.Я. Миллера, тому было «тяжело расставаться с таким прекрасным сотрудником и товарищем». Перед отпуском в июне 1909 г. С.П. Голубинов по делам службы посетил Тифлис и Эривань. Для самозащиты ему был выдан револьвер системы «Браунинг». Побывал в Петербурге, где работал переводчиком при Эмире Бухарском во время визита того в столицу (1910). Был принят в члены Общества русских ориенталистов и опубликовал в годовом отчете Общества доклад «Рост энджуменов⁸ в государственной жизни современной Персии» (1910). Был возвращен в Персию, командирован в Макинское ханство, назначен вице-консулом в Баязиде (1910). Управляющий вице-консульством (1910), с 1911 г. – вице-консул, в Урмии. На новом месте жена заболела тифом. По отчету русской больницы в Тегеране за 1911–1916 гг., эпидемия брюшного тифа в этих местах не только «не прекра-

⁷ Здесь и далее, где другое не указывается особо, цитируются документы из фондов Архива внешней политики Российской империи (см. список источников).

⁸ Энджумены – местные выборные комитеты в Персии в период Конституционной революции 1905–1911 гг.

щается никогда», но год от года только возрастала. Антисанитарная обстановка, голод, инфляция, множество бездомных давали «хорошую почву для эпидемических заболеваний», все чаще случаи тифа встречались среди приезжих европейцев, включая летальные исходы. Серафима Голубинова скончалась 29 января 1911 года в возрасте 28 лет.

Дипломатическая служба в Персии в начале XX в. – занятие почетное, интересное, но крайне трудное и рискованное, учитывая сложные военно-политические обстоятельства. Тавриз и Урмия – города Южного (в современной топонимике – Иранского) Азербайджана, историко-географической области на северо-западе Персии – в те годы места столкновения многих политических сил. В 1905 г. на территории Южного Азербайджана, с его выгодным стратегическим положением, богатыми природными ресурсами, дорогами, идущими к Черному морю, Персидскому заливу и Индийскому океану, были размещены подразделения русской армии – для защиты экономических интересов и усиления позиции России. В результате Англо-русской конвенции 1907 г. регион был признан российской сферой влияния, но стал полем борьбы между Россией и Турцией с центральной в этом противостоянии курдской проблемой. «Турки стремятся во что бы то ни стало настроить курдов во вред России и создать в Персии новую смуту для оправдания <своих> новых захватов», – писал в отчете в российскую Миссию с места событий вице-консул Голубинов, считая, что увеличение случаев насилий над местными христианами – армянами и ассирийцами – вызвано подстрекательством со стороны турецких властей. Роль и методы Голубинова в осуществлении на практике и на местности политики Российской империи освещены в книге М.С. Лазарева «Курдский вопрос». Вице-консул старался «всячески поощрять расположенных к <России> курдов в их стремлении к самобытности и в их исторической ненависти к турецкому владычеству». В то же время в Урмии Сергей Петрович – участник и организатор ряда боевых операций и экспедиций, сторонник решительных действий для обеспечения порядка и защиты местных христиан и «мирных жителей от внешних и внутренних грабежей»⁹.

О «твердой политике» Голубинова и его «смелых и решительных действиях», о «скорых, умелых и энергичных» распоряжениях по предотвращению «мятежа», ожидавшегося в Урмии, и по аресту его зачинщиков, писал в 1911 г. начальник Урмийской духовной Православной миссии архимандрит Сергей, в миру А.П. Лавров: «вице-консул в Урмии Сергей Петрович Голубинов за свое короткое сравнительно пребывание в Урмии настолько успешно ведет здесь дело, что ни один русский человек, живущий здесь, не сказал до сих пор ни одного ропотного слова о его деятельности»; страна была «спокойствием отчасти обязана

⁹ Лазарев М.С. 1972. С. 285.

конвою и энергичному руководительству им г. вице-консула С.П. Голубинова», «наше русское имя стоит теперь высоко – и это не только благодаря присутствию войск, но главным образом благодаря разумной национальной твердой политике Сергея Петровича», чья «деятельность представителя М.И.Д.» была столь «благоплодна». С.П. Голубинов действовал решительно, не избегая опасности для жизни под огнем противника. В 1910 г. в Урмии он, в ответ на серию преступлений на конфессиональной почве, «был командирован в селение Хосров арестовать шайку разбойников. Айсоры-католики, уже убившие тридцать человек, угрожали смертью русским миссионерам...»¹⁰ Один из преследуемых успел сделать несколько выстрелов по отряду казаков во главе с вице-консулом. В декабре 1911 г. решительные действия вице-консула и его ультиматум губернатору Урмии помогли восстановить порядок, возобновить и далее обеспечивать прервавшуюся во время беспорядков связь с городом Хоем и частями Хойского отряда русских, остановили враждебные в отношении русских действия вождей курдов и фидаев, подбивавших местных кочевников разгромить русское консульство. Экстренные меры по защите местных христиан были предприняты Голубиновым в декабре 1911 г. в селении Сир.

15 июня 1913 г., выехав из Урмии, недалеко от с. Гулистан, вице-консул вместе с отрядом из 30-ти казаков 1-го Горско-Моздокского полка под командованием хорунжего А.А. Агоева были обстреляны курдами из нескольких десятков винтовок. Русский конвой ответил огнем. Под его натиском курды, по количеству бойцов пятикратно превосходившие русских, беспорядочно бежали. В июле 1913 г. вместе с отрядами генерал-майора Н.Н. Воропанова, Голубинов участвовал в сражении с курдами для обеспечения защиты христианского населения у с. Сир. Однако совместный проект Воропанова и Голубинова по передаче ассирийцам-несторианам земель, освобожденных от курдского управления, а также вырученных при этом денег в пользу раненых и семей убитых русских солдат вызвал отрицательную реакцию МИД. В ответной телеграмме чиновника для особых поручений при министре иностранных дел В.О. Клемма говорилось: «не в наших интересах выступать по отношению их <курдов> исключительно в роли власти карающей». Клемм писал: «В задачи наши отнюдь не входит ответственность за спокойствие на всей Урмийской равнине, а только защита наших подданных и поддержание коммуникаций». Действия Голубинова вызвали осуждение и выговор со стороны посланника в Персии С.А. Поклевского, ему было приказано быть осторожным, «не уклоняться от защиты только русских интересов», поступать так, чтобы его действия «не навлекли турецкого гнева». Тем не менее Сергей Петрович, поддерживая престиж России в

¹⁰ Стрелянов 2007. С. 27.

регионе, продолжил действия против грабежей христианского населения, по соблюдению безопасности дорог и караванного сообщения, не боясь военных инцидентов, вплоть до прямых столкновений с турецкими войсками. Руководство в Петербурге реагировало негативно: «вся наша деятельность в Урмии как будто направлена на то, чтобы доказать туркам и курдам, что мы их не боимся. Этот вызов совершенно безумен... мы должны думать о своем непосредственном деле, а престиж есть уже производная величина, любование на себя со стороны».

Вероятно, из-за повышенной активности в противостоянии турецкой политике С.П. Голубинов был отозван из Урмии, что сам трактовал, как «уступку Императорского правительства турецким настояниям в курдском вопросе». Не берусь судить, на чьей стороне правда, да и была ли она в этом административном конфликте, где за политикой и государственными интересами скрывалась межнациональная драма.

21 октября 1913 г. С.П. Голубинов был назначен консулом в Рио-де-Жанейро (с февраля 1914 г.). На новом месте он оказался вовлечен в пикантную историю, поселив в своей квартире в консульстве сбежавшую в Бразилии от мужа русскую даму с ребенком. Роман закончился скандалом, который завершился для него весьма удачно. После жалобы супруга, направленной в Петербург министру иностранных дел, его вернули на Родину. Он прибыл в Петроград в разгар Первой мировой войны – в 1915 г. Министерство нашло ему применение, соответствующее призванию, интересам, чаяниям, опыту, а главное, духу времени. Теперь его решительность и антитурецкий бэкграунд были востребованы на театре военных действий – в его любимой Персии. Новый чин (коллегийский советник) и новое назначение – консул в Исфагане.

Находясь недолгое время в Петрограде, он успел второй раз жениться, в Персию возвратился с супругой Натальей Николаевной Литвиновой (1889–1967), дочерью полковника Н.А. Литвинова (1851–1896). По дороге произошло неприятное происшествие, раскрывающее характер дипломата. Решительный и практичный в служебных делах, Сергей Петрович порой проявлял удивительную наивность в делах житейских. По дороге к месту назначения он взялся исполнить личную просьбу английского посланника в Тегеране Чарльза Марлинга и привезти из петроградской ремонтной мастерской в Персию часы его жены – фирмы «Бушерон», осыпанные бриллиантами. Аккуратно упакованные и уложенные в сундук с другим имуществом, часы были сданы в багаж и кем-то похищены во время транспортировки. Жандармский розыск ни к чему не привел, и Голубинову пришлось компенсировать послу убытки.

Вернувшись в Персию, Голубинов включился в мероприятия по «ликвидации германо-австрийской деятельности в Исфагане». 6 марта 1916 г. город был с боем занят 1-м Запорожским полком русского экспедиционного корпуса генерала от кавалерии Н.Н. Баратова. Возвраще-

ние русского консульства в Исфаган – древнюю столицу Ирана – в сопровождении военного отряда произвело сильное впечатление не только на всю Персию, но и на Афганистан, поставило «бродившие по всему югу германо-австрийские банды в безвыходное положение. Весь германо-австрийский план отпадения Южной Персии рушился в самом зачатке». Был ликвидирован очаг германской агитации, направленной на вовлечение кочевого племени бахтиар в резню против русских и англичан, был арестован бывший немецкий консул, учреждена русская военная полиция, открыт Исфаганский лазарет Красного креста «в любезно предоставленной ему части Английского госпиталя», быстро приобретший популярность у местного населения благодаря тому, что «врач Красного креста доктор Милопулос бесплатно лечил и отпускал лекарства всем обращающимся к его помощи туземцам». В течение нескольких лет вице-консул преследовал «самого дерзкого и упорного» местного разбойника Риза Хана Джузуни, безуспешно пытаясь склонить его к мирному компромиссу с местными властями и консульством. Российские военные вместе с консулом конфисковывали имущество антироссийски настроенных шейхов, громили отряды нелояльных России главарей бахтиар, обеспечивали охрану дорог и телефонных проводов от разбойных нападений, небезуспешно старались создать из Исфагана «надежный очаг нашего <российского> влияния, о который разобьются все происки наших явных врагов и все течения чуждой нам англо-бахтиарской политики». Благодаря этому вскоре «Исфаган имел возможность снабжения всей Персии предметами первой необходимости». С.П. Голубинов был награжден орденами: Бухарскими – Золотой звезды 3-й (1903) и 2-й степени (1910), Французским колониальным – кавалерским крестом Черной звезды (1907), Св. Станислава 3-й степени (1909), Св. Анны 3-й степени (1910), Прусской Короны 3-й степени (1914).

События 1917 года все изменили, разворачиваясь в Персии, как и в России, по нарастающей. С зимы 1916/17 г. над Исфаганом навис призрак голода. Зерно вздорожало вдвое. Консульство боролось со спекулянтами, предпринимало меры против хлебного кризиса, поддерживало твердые цены на хлеб, арестовало главных спекулянтов зерном – фактических создателей искусственного голода – и агитаторов за «священную войну» против Англии и России, противодействовало росту насилия в городе и окрестностях, боролось за прочность российского влияния в Персии, выслеживало германо-турецких агентов, задерживало и высылало из города австрийских и немецких агентов-офицеров, разоблачало слухи, антироссийскую и панисламистскую пропаганду.

Февральская революция в России первоначально была встречена в Персии с энтузиазмом. В апрельском отчете за 1917 год консул Голубинов писал: «Большинство населения усмотрело в этой перемене залог обновления Российской государственной мощи и более справедливого

отношения русской политики к интересам широких слоев населения Персии». В условиях самостийного формирования солдатских комитетов в казачьих полках, прикомандированных к консульству, особо остро встала проблема «сохранения дисциплины и боеспособности исфаганского отряда» русских казаков. Множились затруднения с фуражом и довольствием. Упал курс рубля. При этом консульству удавалось находить силы и средства для продолжения постоянных мероприятий по реставрации старинных персидских зданий в городе со стороны и за счет консульства, например, старинной мечети на главной улице Исфагана и одной из главных персидских достопримечательностей – дворца XVII в. Али-Капу. Эти мероприятия в сочетании с провозглашением Временным правительством «веротерпимости» произвели на местное население весьма выгодное для России впечатление. Консула пригласили посетить мечеть, реставрации которой он столь много способствовал.

Но очень быстро все переменялось в весьма неблагоприятном для консульства направлении. Появилась угроза сахарного и керосинного голода, положение сдвигалось в сторону анархии. Сказывались успехи германофильской пропаганды. В итоге положение России в Исфагане после революции сильно пошатнулось. Летом 1917 г. участились столкновения казаков с отрядами Риза Хана, сопровождавшиеся жертвами со стороны русских. Эпидемия тифа, террористические акты, грабежи домов, полиция начала кооперироваться с грабителями. Консульство пыталось найти сторонников среди персидских демократов, субсидировало две газеты демократического направления. Но город наводнили протурецкие агитаторы, ширились призывы к изгнанию русских из Исфагана. Российские войска покинули город: ставропольский казачий полк выступил в Хамадан. Осенью воцарилась полная анархия. Положение немного выправилось после прибытия дивизиона (две сотни) 9-го сибирского казачьего полка в сентябре 1917 г. Но дороговизна пшеницы, отсутствие фуража и зерна для нужд отряда при консульстве сделали ситуацию взрывоопасной. С первых чисел октября в городе воцарился голод при безучастии городской администрации. На улицах Исфагана – умирающие от голода и трупы. Начался голодный бунт, сопровождаемый разбоем и грабежами. Упала дисциплина и в русских войсках, где события 1917 г. привели к разложению армии не только в метрополии, но и в Персии. Известны свидетельства В.Б. Шкловского, оказавшегося в Урмии в это время в качестве помощника комиссара Временного правительства, о случаях немотивированного насилия и жестокости со стороны российских солдат в отношении курдского населения. Только немногие искренние друзья России высказывали, по словам консула Голубинова, «глубокое огорчение по поводу охватившей наше отечество анархии и уверенность, что настоящее положение вещей не может долго удерживаться и государство Российское не может погибнуть».

Положение русских дипломатов в Персии усложнялось с каждым днем. В период революции и продолжающейся войны посольство и консульства продолжали работать. Сотрудники дипломатических учреждений выполняли свой долг в условиях недостатка и часто просто отсутствия средств. Голубинов в сентябре 1917 г. предупреждал руководство:

«У меня имеется несколько интересных немецких писем, документально устанавливающих факт отправки в Персию немецких “военных экспедиций”, для организации вооруженного восстания против наших (и англичан) дипломатических учреждений. Факт этот, разумеется, ни для кого из нас не был тайной, но пока он еще не был подтвержден документально».

После Октябрьской революции посольство в Тегеране отказалось признать большевиков; последовало этому решению и вице-консульство в Исфагане. В этой ситуации консул Голубинов сохранял спокойствие и уверенно придерживался программы действий по борьбе с голодом в городе и по обеспечению безопасности российского консульства. В феврале 1918 г. он писал управляющему Миссией в Тегеране:

«Благодаря тем мерам, которые нами были приняты как в хлебном вопросе для населения, так и в отношении русских войск, симпатия всех слоев населения к нашему Консульству настолько прочны, что никакая персидская революция меня страшить не может и я в этом отношении совершенно спокоен. Конечно, я исключаю из своего оптимизма большевиков, Риза Хана и хулиганов. Но большевики до Исфагана не дойдут, для Ризы Хана имеется казачья бригада, а хулиганы не такая сила, с которой можно было бы серьезно считаться».

Во время гражданской войны российские консульства и посольства работали, подчиняясь министру иностранных дел Всероссийского правительства А.В. Колчака С.Д. Сазонову. В Персии сложилась особенно сложная ситуация: достигнутый за 10 лет до этого паритет с Англией пошатнулся, новая советская власть начала борьбу за влияние в регионе, аннулировав прежние соглашения, провоцируя национальные силы и планируя экспорт революции. В январе 1919 г. С.П. Голубинов писал:

«Как ни скверно наше материальное положение, но я мечтаю только об одном: досидеть в Исфагане до того счастливого момента, когда у нас появится всеправительство не в Омске, или в Уфе, как теперь, а в Москве или Петрограде. Здесь я, по крайности, со своей громадной семьей (у нас 6 детей) завтракаем и обедаем каждый день, а что бы я делал теперь в России! С ужасом думаю, что будет дальше!».

В Персии выгодоприобретателями от ослабления России и политики большевиков стали англичане. После перемирия с Германией в ноябре 1918 г. исфаганцы понемногу возвращались к мирной жизни, их симпатии склонялись в сторону Великобритании. В ходе переговоров и заключения новых коалиций администрация города арестовала главарей разбойников, включая Риза Хана, его казнили 12 августа 1919 г. на городской площади, а восемь других главарей по распоряжению губернатора Исфагана 5 сентября были «выведены за город и залиты в известь». Освобождение города от налетов разбойных банд привлекло английских, американских и японских предпринимателей. Заброшенные база-

ры возобновили работу. Жизнь возрождалась. Даже открылся персидско-английский клуб, президентом которого стал губернатор города, а двумя вице-президентами – английский и российский консулы. Это были временные улучшения и несбывшиеся надежды. Как сообщал консул Голубинов, в декабре 1919 г. по городу распространились «зловещие слухи о скором появлении большевистских банд в Северной Персии и о невозможности для англичан защищать Персию в виду разложивности самой Англии. Говорят, что в городе находятся уже большевистские агитаторы...». С 20 января 1920 года усилились упорные слухи о взятии большевиками Красноводска (совр. название города – Туркменбашы).

В таких обстоятельствах было принято решение о закрытии консульства. В Государственном архиве РФ сохранилась переписка консула Голубинова в Исфагане с Миссией в Тегеране по финансово-хозяйственным вопросам, связанным с завершением работы и эвакуацией. Обсуждались проблемы продажи дома, распоряжения имуществом (самовары, карты, пишущая машина «Мерседес», мебель, лошади, канцелярские принадлежности и пр.). Ответственным в Исфагане должен был остаться консульский агент, и.о. исфаганского отдела банка И.И. Шубин. Сам Голубинов планировал выехать в Тегеран «не позднее середины марта» 1920 г. и еле успел осуществить задуманное. В апреле азербайджанские и иранские демократы подняли восстание против иранского правительства и поддерживающих его англичан. В мае в Гиляне при поддержке военного десанта советской Каспийской военно-морской флотилии под командованием Ф. Раскольникова власть перешла к повстанцам. 5 июня была провозглашена Гиланская Республика (Советская Республика Гилан) со столицей в Реште, Реввоенсоветом, правительством и армией. Реввоенсовет новой республики телеграфировал наркомвоенмору Советской России Л.Д. Троцкому: «волею трудового народа в Персии образовалась Советская власть, которая начала создавать Красную Персидскую армию на принципах создания Российской Красной армии для уничтожения поработителей персидского народа»¹¹.

Голубинов с беременной женой и пятью детьми от первого и второго браков (старший сын в 1919 г. уехал в Севастополь) с трудом покинули Тегеран, со многими мытарствами переехали через Кавказ, в Батуми провели две ночи на вокзале, сели на французский пароход компании Raquet, который 9 апреля 1920 года за 6 дней пути доставил их до Константинополя. 12 апреля они пароходом отбыли в Марсель, прибыли во Францию 18 апреля, а затем проследовали в Дижон и Нанси.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 21. Л. 44. Среди красноармейцев был и поэт Велимир Хлебников, приписанный к армии в качестве лектора. Думать о том, что пути поэта и консула могли пересечься, интересно, но непродуктивно; сам Сергей Петрович вряд ли мог сожалеть, что этого не случилось.

Активный, деятельный, решительный, жесткий, личностно ориентированный на действие, никогда не боявшийся, по воспоминаниям его младшего брата, ответить обидчику, вплоть до применения силы, на консульской службе показавший себя как самостоятельный политик, участник военных экспедиций, бесстрашный и безжалостный к врагу, С.П. Голубинов в изгнании, в условиях высокой энтропии, утратив дело всей своей жизни – дипломатическую службу, будучи в расцвете лет, обладая прекрасным образованием, знанием языков, не нашел себя, «потерял задачу». Покинув Персию с деньгами на счету в Лондонском банке и большими надеждами, он и сам разорился, и утратил средства, полученные женой по наследству в Польше: не смог найти работу по специальности, сменить профессию и приспособиться к новой службе (кратковременная работа в банке в Нанси окончилась неудачно).

Сохранилась переписка 1920-х гг. Сергея Петровича с дипломатом и востоковедом В.Ф. Минорским. Голубинов и Минорский – почти ровесники (дни рождения совпадают, но с разницей в 2 года), коллеги (в МИД с 1903 г., на дипломатической службе – в Персии, в эмиграции – во Франции) и корреспонденты. В письмах – описание событий с сентября 1917 (Исфаган) по январь 1922 г. (Нанси). Сергей Петрович пишет о политической обстановке, семье, житейских обстоятельствах, финансовых проблемах, обращается к Владимиру Федоровичу за помощью. Оптимизм сменяется тревогой, отчаянием. В 1919 г. Минорский для него – важнейшее звено, «связывающее остатки великой России с Персией. Вы снабжаете нашу Миссию не только деньгами, но и политическими инструкциями всеправительства»¹². Весной 1920-го – последняя надежда на помощь в катастрофической ситуации, связанной с кражей всех наличных денег по пути из Тегерана в Константинополе. В конце мая 1920-го Минорский – спаситель, помогший разрешить проблемы с банком: «Без Вас мы погибли бы бесповоротно. Теперь же мы спасены... Никогда не забуду Вашей легкой руки»¹³. Но уже в августе 1921 г. Сергей Петрович сетовал, что «заботы о будущем прямо отравляют жизнь»¹⁴. В январе 1922-го Минорский – единственный человек, у кого можно попросить совета, как поступать в беженских обстоятельствах. Ответы Минорского не известны, но Голубинов в те дни принял оказавшееся ошибочным решение: «Кто может заработать, тому, конечно, лучше жить в стране с высокой валютой, а кто проживает последнее, тому лучше проживать свои гроши в дешевой Германии, чем в дорогой Франции, или еще более дорогой Англии, Швейцарии и т.д.»¹⁵.

¹² ИВР РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 558. Л. 9.

¹³ Там же. Д. 559. Л. 13 об.

¹⁴ Там же. Л. 23.

¹⁵ Там же. Л. 30.

Голубиновы переехали в Германию со всеми своими сбережениями, некоторое время жили в Визенау недалеко от Франкфурта-на-Одере, где потерпели финансовый крах в гиперинфляции «ревущих двадцатых». Уцелело и опубликовано автором статьи письмо С.П. Голубинова из Германии в Великобританию, к тестю его брата – бывшему управляющему министерством просвещения Российской империи, профессору Николаю Константиновичу Кульчицкому (1856–1925) от 22 Ноября 1924 года: «...Наше положение остается критическим. Если мы не дай Бог не получим на днях денег под закладную, то в пору погибнуть»¹⁶.

Выжить помогли дети, постепенно подраставшие, начинавшие собственный трудовой путь и активно приспособившиеся к эмигрантской жизни. Всего у Сергея Петровича было 8 детей: помимо Всеволода, Ростислава и Ирины (от первого брака), близнецы Вера (1916–1994) и Надежда (1916–1986), Илья (1918–1944), Людмила (1920–2006), Георгий (1922–2017). Всеволод и Ростислав стали геологами, работали в экзотических местах планеты. Всеволод достиг высокого жизненного и профессионального успеха и прославился как французский писатель Серж Голон, соавтор (с женой Анн Голон) серии приключенческих романов про Анжелику – Маркизу Ангелов. Ростислав составил и опубликовал геологические карты ряда районов Французской Западной Африки и работы по геологии Сенегала, Гвинеи и Марокко. Ирина работала стенографисткой, принимала участие во французском Сопротивлении. Илья – горный инженер, работал на серебряном и медном руднике в Ла Плань в Савойских Альпах, лейтенант Французских внутренних сил – армии участников Сопротивления, погиб в бою с нацистами во время подготовки к высадке войск союзников во Франции в 1944 г. Вера, Надежда, Людмила, Георгий стали дантистами.

Сергей Петрович Голубинов умер 9 февраля 1951 года в Нанси.

Революция и последующая гражданская война застали С.П. Голубинова на высшем пике его профессиональной карьеры. Получив свое главное назначение накануне революции – в 1916 г., он все потерял, но нашел возможность выжить и эвакуироваться из охваченной революцией и войной места службы, а затем, оставив свои профессиональные заслуги и достижения в прошлом, реализоваться в семье, сумев вывезти за рубеж, вырастить и воспитать восьмерых детей, давших в итоге большой генеалогический куст внуков и правнуков.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 470. Д. 20; Ф. 144. Оп. 488. Д. 4482 (К. 500), 4609, 4716, Оп. 489. Д. 1425, 1756, 5296, 10356, 10366; Ф. 147. Оп. 485. Д. 3277; Ф. 194. Оп. 528/2. Д. 10, 11, 17, 56, 148; Ф. 289. Оп. 570/1. Д. 414. Оп. 570/2. Д. 1113, 1380; Ф. 291. Оп. 614. Д. 54, 1041; Ф. 293. Оп. 571. Д. 6, 12, 19.
Государственный архив Воронежской области. Ф. 29. Оп. 126. Д. 61.

¹⁶ Leeds Russian Archive. 1365/5. P. 2.

- Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4465; Ф. Р4738. Оп. 1. Д. 74, Оп. 2. Д. 161, 162а.
- Домашний архив семьи Голубиновых.
- Институт восточных рукописей РАН, СПб. Архив востоковедов. Ф. 134. Оп. 3. Д. 558, 559.
- Российский государственный исторический архив (СПб). Ф. 796. Оп. 436. Д. 1796.
- Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 465. К. 12. Д. 95.
- Центральный государственный исторический архив (СПб). Ф. 268. Оп. 1. Д. 2953; Ф. 14 Оп. 3. Д. 34224. Оп. 8. Д. 497.
- Leeds Russian Archive. Leeds University Library (Leeds, Great Britain). Kul'chitskii Family Collection. LRA/MS 1365/5.
- Гамильтон А. Афганистан / Пер. с англ. С.П. Голубинова. СПб.: Изд-во В. Березовского, 1908. 334 с.
- Генис В.Л. Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920 гг.). Российская дипломатия в судьбах. М.: Социально-политическая мысль, 2003. 416 с.
- Голубинов В.В. Благодарство имени и судьбы: Евгений Петрович Голубинов (1880–1937) // Вестник морского врача. Севастополь. 2008. № 5. С. 190–194.
- Голубинов В.В. Военный врач на холме беззакония: (Материалы к биографии Евгения Петровича Голубинова (1880–1937)) // Вестник морского врача. Севастополь, 2010. № 10. С. 178–190.
- Голубинов В.В. «Никогда не забуду Вашей легкой руки». Коллега и корреспондент В.Ф. Минорского – Сергей Петрович Голубинов (1879–1951) // Чтения памяти В.Ф. Минорского (1877–1966). СПб.: ИВР РАН, 2013. С. 51–54.
- Голубинов В.В. «Все знакомые попадали к нам на Адмиральскую» (Воина, революция и эмиграция в домашней истории) // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры. Составитель И.Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2015. С. 465–482.
- Голубинов В.В. «Наше положение остается критическим» С.П. Голубинов и Н.К. Кульчицкий: двойной портрет на фоне переписки // 1917 год в истории и судьбе российского зарубежья. Составитель М.Ю. Сорокина. М.: Вифсаида; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 417–428.
- Голубинов В.В. «Прием в гражданство СССР считаем нецелесообразным» – Материалы к биографии Сержа Голона – Всеволода Голубинова (1903–1972) // Люди и судьбы Русского Зарубежья. Вып. 4. Под ред. А.Б. Ефимова и Е.М. Мироновой / М.: Институт всеобщей истории РАН, 2017. С. 109–140.
- Голубинов В.В. Накануне успеха. Злоключения соавтора «Анжелики» Серж Голона между Конго и Советским Союзом // *Connaisseur*. Прага, 2018. Вып. 1. С. 190–205.
- Голубинов С.П. Роль энджуменов в государственной жизни современной Персии. СПб.: б. и., 1910. 7 с.
- Емельянов А.Г. Казаки на персидском фронте. М.: Вече, 2007. 448 с.
- Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. Пер. с англ. Е.А. Верховской, Н.И. Лисовой. М.: Центрполиграф, 2004. 544 с.
- Лазарев М.С. Курдский вопрос (1891–1917). М.: Наука, 1972. 472 с.
- Миронова Е.М. От Певческого моста до улицы Гренель. 1917–1918. М.: ИВИ РАН, 2013. 253 с.
- Стрелянов П.Н. (Калабухов) Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2007. 442 с.
- Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006. 368 с.
- Шишов А.В. Персидский фронт (1909–1918). Незаслуженно забытые победы. М.: Вече, 2010. 352 с.
- Широкопад А.Б. Персия – Иран. Империя на Востоке. М.: Вече, 2010. 384 с.
- Шкловский В.Б. Северная Персия и наши войска // Новая жизнь. Пг., 1918. 24 февраля (9 марта). № 38. С. 3.
- Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие. М.: Новости. 1990. 390 с.
- Qasimov M. Russian policy in South Azerbaijan during First World War // *Journal of Azerbaijani Studies*. 2000. Vol. 3. No 2. P. 48–52.

REFERENCES

- Gamil'ton, A. Afganistan / Per. s angl. S.P. Golubinova. SPb.: Izd. V. Berezovskogo, 1908. 334 s.
- Genis V.L. Vice-konsul Vvedenskij. Sluzhba v Persii i Buharskom hanstve (1906-1920 gg.). Rossijskaya diplomatiya v sud'bah. M.: Social'no-politicheskaya MYSL'. 2003. 416 s.
- Golubinov V.V. Blagorodstvo imeni i sud'by: Evgenij Petrovich Golubinov (1880–1937) // Vestnik morskogo vracha. Sevastopol'. 2008. № 5. S. 190–194.
- Golubinov V.V. Voennyj vrach na holme bezzakonija: (Materialy k biografii Evgeniya Petrovicha Golubina (1880–1937)) // Vestnik morskogo vracha. Sevastopol', 2010. № 10. S. 178–190.
- Golubinov V.V. «Nikogda ne zabudu Vashej legkoj ruki». Kollega i korrespondent V.F. Minorskogo – Sergej Petrovich Golubinov (1879–1951) // Chteniya pamyati V.F. Minorskogo (1877–1966). SPb.: IVR RAN, 2013. S. 51–54.
- Golubinov V.V. «Vse znakomye popadali k nam na Admiral'skuyu» (Vojna, revolyuciya i emigraciya v domashnej istorii) // Metropoliya i diaspora: dve vetvi russkoj kul'tury. Sostavitel' I.Yu. Belyakova. M.: Dom-muzej Mariny Cvetaevoj, 2015. S. 465–482.
- Golubinov V.V. «Nashe polozhenie ostaetsya kriticheskim» S.P. Golubinov i N.K. Kul'chickij: dvojnoj portret na fone perepiski // 1917 god v istorii i sud'be Rossijskogo zarubezh'ya. Sostavitel' M.Yu. Sorokina. M.: Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenicyna, 2017. S. 417–428.
- Golubinov V.V. «Priem v grazhdanstvo SSSR schitaem necelesoobraznym» – Materialy k biografii Serzha Golona – Vsevoloda Golubina (1903–1972) // Lyudi i sud'by Russkogo Zarubezh'ya. Vyp. 4. Pod red. A.B. Efimova, E.M. Mironovoj / M.: IVI RAN, 2017. S. 109–140.
- Golubinov V.V. Nakanune uspekha. Zloklucheniya soavtora «Anzheliki» Serzh Golon mezhdu Kongo i Sovetskim Soyuzom // Connaisseur. Praga, 2018. Vyp. 1. S. 190–205.
- Golubinov S.P. Rol' endzhumenov v gosudarstvennoj zhizni sovremennoj Persii. SPb., 1910. 7 s.
- Emel'yanov A.G. Kazaki na persidskom fronte. M.: Veche, 2007. 448 s.
- Kazem-Zade F. Bor'ba za vliyanie v Persii. Diplomaticeskoe protivostoyanie Rossii i Anglii. Per. s angl. E.A. Verhovskoj, N.I. Lisovoj. M.: Centrpoligraf, 2004. 544 s.
- Lazarev M.S. Kurdsnij vopros (1891–1917). M.: Nauka, 1972. 472 s.
- Mironova E.M. Ot Pevcheskogo mosta do ulicy Grenel'. 1917–1918. M.: IVI RAN, 2013. 253 s.
- Strelyanov P.N. (Kalabuhov) Kazaki v Persii. 1909–1918 gg. M.: Centrpoligraf, 2007. 442 s.
- Chirkin S.V. Dvadcat' let sluzhby na Vostoke: Zapiski carskogo diplomata. M.: Russkij put', 2006. 368 s.
- Shishov A.V. Persidskij front (1909–1918). Nezasluzhenno zabytые pobedy. M.: Veche, 2010.
- Shirokorad A.B. Persiya – Iran. Imperiya na Vostoke. M.: Veche, 2010. 384 s.
- Shklovskij V.B. Severnaya Persiya i nashi vojska // Novaya zhizn'. Pg., 1918. 24 fevralya (9 marta). № 38. S. 3.
- Shklovskij V.B. Sentimental'noe puteshestvie. M.: Novosti. 1990. 390 s.
- Qasimov M. Russian policy in South Azerbaijan during First World War // Journal of Azerbaijani Studies. 2000. Vol. 3. No 2. P. 48–52.

Голубинов Виктор Владимирович, независимый исследователь, Москва; viktorgolubinov@gmail.com

Russian consul, orientalist Sergei P. Goloubinow (1879–1951)

The article discusses a fate of a Russian émigré – a diplomat, an orientalist, a great-uncle of the author, Sergei Petrovich Goloubinow, whose career as Russian consul in Isfahan (Persia) was interrupted by revolution and civil war. Main milestones in his biography are highlighted. The author traces Sergei Goloubinow's service (until the spring of 1920), his path to emigration, and life in France and Germany. The article supplements the materials of conferences “People and destinies of the Russian Emigration” (2015, 2016, 2017, 2018) and “1917 and the fate of the Russian Emigration” (2017), including the biography of S.P. Goloubinow's son – Vsevolod Goloubinoff (French writer Serge Golon).

Keywords: Sergey P. Goloubinow, Goloubinoff, Russian revolution, Russian emigration, history of Russian diplomacy, Persia, home history

Victor Goloubinow, independent researcher, Moscow; viktorgolubinov@gmail.com